

На правах рукописи

Мкртычян Арег Артавазович

**ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕРРОРИЗМА**

19.00.05 – Социальная психология (психологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Москва - 2012

Работа выполнена в Федеральном государственном научном учреждении
«Институт социологии образования» Российской академии образования

Научный руководитель:

Ениколопов Сергей Николаевич –
кандидат психологических наук, доцент;
заведующий отделением клинической
психологии ФГБУ НЦПЗ РАМН

Официальные оппоненты:

Мельникова Ольга Тимофеевна –
доктор психологических наук, профессор;
профессор кафедры социальной психологии
факультета психологии ФГБОУ ВПО
«МГУ имени М.В. Ломоносова»

Толстых Наталья Николаевна –
доктор психологических наук, старший
научный сотрудник; заведующий кафедрой
социальной психологии развития
факультета социальной психологии ГБОУ
ВПО г. Москвы «Московский городской
психолого-педагогический университет»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки **Институт психологии**
Российской академии наук

Защита состоится 07 декабря 2012 года в 17.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 501.001.95 в ФГБОУ ВПО «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 125009,
г. Москва, улица Моховая, дом 11, строение 9, аудитория 215.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени
М.В. Ломоносова (г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27).

Автореферат разослан 07 ноября 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 501.001.95,
доктор психологических наук, профессор

О.А. Карабанова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования обусловлена опасностью терроризма и его последствий. Большинство психологических исследований терроризма делают акцент на таких вопросах, как мотивация террориста, особенности строения его личности, процессы ведения переговоров и т.д. (Vogun R., Moghaddam F.). Подобные направления представляются важными, т.к. позволяют глубже вникнуть в природу самого явления и людей, совершающих террористические акты. С другой стороны, узкая направленность в исследованиях ставит под сомнение их значимость с точки зрения профилактики и превентивных мер противодействия терроризму. Изучение факторов, влияющих на формирование девиантного поведения, представляется не менее важным условием эффективности в процессе борьбы с терроризмом, нежели перечисленные выше направления. В этой связи, актуальными представляются исследования, направленные на изучение природы психологических последствий терроризма. Психологические последствия терроризма носят стойкий характер, формируя у человека или группы людей устойчивые установки, угрожающие безопасности, стабильности и целостности общества. В этом аспекте большое значение приобретают исследования в области взаимодействия общества и СМИ в процессе оповещения населения о произошедшем террористическом акте. Именно СМИ представляются одним из наиболее эффективных механизмов, способствующих профилактике не только девиантного поведения, но и террористических установок, потенциально возможных в любом, даже социально и психологически благополучном обществе. В процессе противодействия терроризму важными являются не только вопросы, связанные с изучением самих психологических последствий, но и работа, направленная на выявление оптимальных форм трансляции информации о террористическом акте через СМИ, с целью редукции негативных последствий преступления.

Актуальность работы основана на дефиците отечественных исследований в области психологических последствий терроризма; а также

- на отсутствии грамотной стратегии оповещения граждан, что особенно важно в свете высокой террористической активности на территории Российской Федерации и республик СНГ.

Цель исследования: выявление связи между характеристиками новостных видеосюжетов и выраженностью психологических последствий у косвенных участников террористического акта (телезрителей).

Объект исследования: психологические последствия трансляции информации о террористическом акте в средствах массовой информации.

Предмет исследования: особенности влияния различных форм трансляции информации о террористическом акте на характер психологических последствий.

Основные гипотезы исследования.

1. Информация о террористическом акте, передаваемая в СМИ, определяет направленность психологических последствий терроризма, как на личностном, так и на социальном уровне.

2. Такие характеристики сюжетов о террористическом акте, как подробность, эмоциональная насыщенность и источники информации, определяют степень проявления психологических последствий террористического акта.

Эти основные гипотезы исследования конкретизировались в ряде частных эмпирических гипотез.

1. В процессе оценивания и идентификации себя с другими людьми и группами субъект использует инвариантную категориальную систему, включающую в себя аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты.

2. Оценка объектов зависит от подробности и эмоциональной насыщенности транслируемого видеосюжета, а сами изменения в оценивании касаются не только террористов, но и любых других объектов, не имеющих непосредственного отношения к террористическому акту (отдельных людей или групп).

3. Такие характеристики видеосюжета, как подробность, эмоциональная насыщенность, типы комментариев влияют на степень

выраженности посттравматического синдрома у наблюдателей (через СМИ) террористического акта.

4. Подробность и эмоциональная насыщенность видеосюжетов о террористическом акте влияют на степень выраженности у наблюдателя готовности к агрессивному поведению и принятие им подобного поведения.

Задачи исследования.

1. Выявить качественные и количественные показатели, характеризующие особенности отношения респондентов к информации о террористическом акте.

2. Выявление категориальной системы, на основании которой происходит оценивание или идентификация субъекта с различными объектами или группами.

3. Провести сравнительный анализ изменения характера оценивания объектов в рамках выделенной категориальной системы, в зависимости от наличия и особенностей транслируемого видеосюжета.

4. Провести сравнительный анализ влияния различных типов видеосюжета на формирование и динамику психологических последствий террористического акта.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: положения системно-деятельностного подхода (Леонтьев А.Н.); теория отношений Мясищева В.Н.; представления когнитивной, экзистенциальной и гуманистической психологии о формировании психологических последствий чрезвычайных ситуаций (Селье Г., Gillis J., Huddy L., Horowitz M., Prefferbaum B. и др.); «Теория управления страхом» («Terror management theory» Goldenberg J.L., Pyszczynski T. Greenberg J., далее - ТМТ); основные положения «Risk communication» - прикладного направления исследования стратегий коммуникации с населением в чрезвычайных ситуациях (Barnett J., Durodie W., Herdling M., Sandman P.); исследования в области психологии риска (Fischhoff B., Jenkin C., Slovic P.); теория социального научения (Bandura A.).

Методы исследования. Метод опроса, позволяющий выявить качественные и количественные показатели, характеризующие особенности отношения респондентов к информации о террористических актах, транслируемой через телевидение, и к самому терроризму. В исследовании использована авторская анкета, включающая пять блоков. Первый блок вопросов направлен на выявление реакций респондентов на террористический акт. Вопросы второго блока направлены на выявление предпочтений респондентов относительно характеристик и формата информации о террористическом акте. Третий блок вопросов направлен на выявление предпочтений респондентов относительно образа коммуникатора, т.е. человека, непосредственно транслирующего информацию. Четвертый блок вопросов направлен на выявление отношения респондентов к терроризму (в т.ч. и категоризация отдельных видов данного преступления), а также к государственным структурам, противодействующим ему. Пятый блок направлен на выявление процессов легитимизации агрессии и факторов, которые этому способствуют.

Метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев).

Тестирование с использованием следующих психодиагностических методик: 1) Опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R) (Derogatis L., 1974; Тарабрина Н.В., 2001); 2) Опросник диагностики склонности к агрессии ВРАQ (Buss-Perry Aggression Questionnaire) (Buss A., Perry M. 1992; Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П., 2007); 3) Опросник диагностики легитимизированной агрессии ЛА-44 (Опросник диагностики легитимизированной агрессии) (Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П., 2007).

Характеристика выборки. В исследовании приняло участие 178 респондентов в возрасте от 20 до 45 лет: 97 мужчин (54%) и 81 (46%) женщина. Исходя из специфики работы, основным условием формирования выборки исследования являлось отсутствие у испытуемых профессиональной принадлежности к правоохранительным органам и чрезвычайным службам.

Научная новизна. Впервые проведен детальный и систематизированный анализ широкого спектра возможных психологических последствий терроризма, выделяются взаимосвязи между последствиями личностного и социального уровня. Установлено влияние отдельных характеристик (подробности, содержания) транслируемой информации о террористическом акте на изменение оценивания объектов, не имеющих непосредственного отношения к совершенному преступлению, в категориальной системе («Свой – Чужой») наблюдателя. Выявлен характер влияния видеосюжетов о террористическом акте на формирование девиантных форм поведения и процессов легитимизации агрессии. Выделены значимые характеристики трансляции информации о террористическом акте (степень подробности, эмоциональная насыщенность сообщения, особенности комментариев), способствующие усилению или редукции негативных психологических последствий.

Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации психологических последствий терроризма и выделении причинно-следственных связей между последствиями разного уровня и типа. В работе реализован интегративный подход, объединяющий в себе положения различных психологических направлений и теорий, что позволяет рассматривать проблему психологических последствий терроризма с разных ракурсов, не ограничиваясь исследованием лишь индивидуальных психологических последствий. Впервые в рамках отечественных исследований подробно освещены положения «Теории управления страхом» («*Terror management theory*», далее – ТМТ), которые позволяют рассматривать проблему психологических последствий терроризма в русле основных парадигм данной теории.

Практическая значимость. Полученные данные могут быть использованы при реализации профилактических мероприятий, направленных на противодействие терроризму и экстремизму, а также в процессе взаимодействия с населением со стороны экстренных служб и СМИ во время природных и техногенных катастроф. Результаты

исследования применимы для лекционных курсов по психологии девиантного поведения, психологии экстремальных ситуаций и других смежных психологических дисциплин. Значимость полученных результатов заключается в их междисциплинарном характере. Они могут использоваться как в области психологии, так и служить рекомендациями для журналистов и других специалистов в сфере связей с общественностью для формирования эффективных стратегий коммуникации с населением, а также служить научной основой для экспертной оценки уже существующих подходов и способов трансляции и оповещения. Результаты исследования могут быть использованы сотрудниками правоохранительных и чрезвычайных служб (ФСБ, МВД, МЧС) в процессе профилактических мероприятий, в качестве рекомендаций по формированию эффективных способов противодействия терроризму, редукции негативных психологических последствий преступлений, а также природных и техногенных катастроф.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивается: научно-методологической обоснованностью исследования; использованием комплекса методов, релевантных предмету, целям и гипотезам исследования; достаточностью экспериментальной выборки; корректным применением методов математической статистики для обработки данных в сочетании с качественным анализом полученных результатов. Статистический анализ проводился с помощью статистического пакета SPSS 13.0 с использованием методов дескриптивной статистики, корреляционного и факторного анализа.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Психологические последствия террористического акта проявляются как на личностном, так и на социальном уровнях. При этом, изменения в личностной сфере (актуализация страха смерти, изменения уровня тревожности и агрессивности) определяют направленность социальных психологических последствий терроризма, в частности – изменение отношения наблюдателя информации о террористическом акте к другим объектам (отдельным людям и социальным группам).

2. В качестве одного из наиболее опасных социально-психологических последствий выделяются изменения в обыденном сознании, связанные с отношением к так называемым группам «инакомыслящих». Изменение отношения к другим объектам выражается в динамике оценок и степени идентификации субъекта в категориальной системе, обозначенной как «Свои – Чужие».

3. Изменение оценок в системе «Свои – Чужие» происходит в трех плоскостях: аффективной, когнитивной и поведенческой и зависит как от субъективных факторов (личностных особенностей субъекта), так и от факторов, связанных с характеристиками транслируемой информации о террористическом акте. Изменения будут наблюдаться не только в отношении террористов, но и любых других значимых объектов или групп.

4. Влияние трансляции информации о террористическом акте наблюдается и на индивидуально-психологическом уровне, что отражается в формировании посттравматического синдрома у наблюдателя и в изменении степени выраженности различных психологических характеристик, в частности, таких, как враждебность, тревожность и агрессивность.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на заседании Ученого совета Института социологии образования Российской академии образования (2012 г.). Материалы исследования представлены в докладах на трех конференциях: Всероссийская конференция «Психология индивидуальности» (Москва, 2006 г.); Научно-практический конгресс III всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России» (Москва, 2007 г.); Научно-практический семинар «Экстремизм и национальный вопрос в России» (Москва, 2009 г.).

По материалам работы опубликовано 11 научных работ, в том числе три в журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, выводов, заключения, списка литературы (120 наименований, из них 73 на иностранных языках) и

двух приложений. Основное содержание диссертационной работы изложено на 147 страницах (включая 17 рисунков и 14 таблиц).

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность исследуемой проблемы; формулируются цель и задачи исследования; описываются методические средства их реализации; раскрывается научная новизна работы, её теоретическая и практическая значимость; представляются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Психологические последствия терроризма и их взаимосвязь со средствами массовой информации» террористический акт рассматривается как оружие психологического воздействия, целью которого являются не физические жертвы, а именно негативные психологические последствия, которые носят более масштабный и долгосрочный характер. В этой связи, особое внимание следует уделять изучению самих психологических последствий терроризма и факторов их формирования. В данной главе представлен систематический обзор разнообразных психологических последствий терроризма. Анализируются механизмы их формирования и выделяется взаимосвязь разных типов психологических последствий террористического акта между собой. В частности, показано, что, несмотря на все разнообразие выделяемых последствий, их следует классифицировать по нескольким основаниям (Ениколопов С.Н., Ястребов В.С., Ольшанский Д.В., Goldenberg J.L., Pyszczyński T., Greenberg J., Huddy L., Feldman S., Mathewson J., Moghaddam F.M., Marsella A.J., Pangi R., Malhi P., Ryan A.M., West B., Terry L., Bradley M., Van der Kolk B.A. и др.). Речь идет о том, что последствия могут носить не только негативный, но и позитивный характер. Естественно, что негативные последствия (такие, как посттравматическое стрессовое расстройство (далее – ПТСР), страх, паника, «Стокгольмский синдром», легитимизация агрессии и т.д.) являются преобладающими. Но, как отмечают некоторые исследователи, к положительным последствиям террористического акта следует относить «групповую сплоченность», которая рассматривается как один из эффективных способов редукции страха смерти и общественной

паники (Goldenberg J.L., Pyszczynski T., Greenberg J.). Последствия терроризма могут проявляться не только на индивидуально-психологическом (или психическом) уровне, но и на социальном.

Отдельное внимание в первой главе уделяется рассмотрению «Теории управления страхом» (англ. «Terror Management Theory», далее — ТМТ), сформулированной американскими психологами Goldenberg J.L., Pyszczynski T., Greenberg J. и Solomon S.. В ТМТ проводится детальный анализ процессов формирования психологических последствий терроризма как реакций человека на столкновение или упоминания о смерти и собственной уязвимости. По мнению авторов, символическая или прямая встреча со смертью – это феномен, который ведет к активации защитных мотивов поведения. Эта встреча формирует у людей готовность к защите собственной картины мира против угрозы смерти, через принятие консервативного и эгоцентрического отношения к жизни, которое может проявляться в стремлении следовать общепринятым культурным нормам, агрессивно отстаивать их при столкновении с альтернативными системами принципов и правил. ТМТ может быть рассмотрена как первая систематическая попытка предоставить теоретическую основу для изучения когнитивных и поведенческих эффектов обдумывания собственной уязвимости и случайной смерти. Напоминание людям об источнике их тревоги (о смерти) увеличивает их потребность в самооценке и сохранении персональной картины мира, и это влияет на их реакции в отношении людей или идеи, которые не соответствуют их собственным психологическим структурам. Страх смерти проявляется в виде размышлений человека о своей бренности и неизбежности смерти. Подобные мысли являются основой для проявления негативных эмоций. Чтобы подавить в себе эти негативные эмоции, человек обращается к своему мировоззрению, своим ценностям и нормам. И, при этом, в любом другом, отличном от своего, мировоззрении человек начинает видеть угрозу для себя и своих ценностей, для своего образа жизни. Нетерпимость и негативное отношение к иному мировоззрению рождается не только в случаях, когда человек действительно

напуган и когда смерть кажется ему неизбежной и близкой. Даже косвенные упоминания о смерти, в виде репортажей криминальной хроники с места произошедшего террористического акта или похорон, рождают у человека мысли о смертности.

Также в данной главе нами выделены отличительные черты террористического акта, которые обуславливают специфичность всего спектра последствий данного вида преступления. Современный терроризм ориентирован на деятельность СМИ. Своей конечной целью террористы рассматривают многочисленную аудиторию телезрителей и пользователей сети Интернет. По ряду причин. Во-первых, освещение террористического акта в СМИ делает его общеизвестным и, как следствие, — более значимым. Во-вторых, если рассматривать психолого-социальные последствия как приоритетную цель террористов, то достижение этой цели осуществляется именно через трансляцию террористического акта в СМИ. Таким образом, последствия террористического акта распространяются на огромную аудиторию, минуя географические и временные барьеры, увеличивая тем самым количество жертв (Bruno S., Dominik R.). При этом, влияние СМИ может быть как положительным, так и отрицательным. Так, например, непрофессиональное освещение событий способствует искажению информации, которая усиливает отрицательное эмоциональное состояние людей, повышает степень страха и паники, способствует легитимизации насилия. В этой связи возникает необходимость нахождения оптимальной формы трансляции, которая будет способствовать редукции отрицательных последствий, а не их развитию в обществе. Обмен информацией между правительственными структурами и населением (до террористического акта, в течение его и после) чрезвычайно важен. Людям необходимо подготовиться и практически, и психологически к долговременной ситуации угрозы, научиться адекватно реагировать на возникшую опасность (Gillis J.W.). Также немаловажная функция СМИ — препятствие возникновению в обществе идеализированных представлений о террористах и устранение слухов и мифов. Таким образом, вопросы, связанные с освещением террористических актов в СМИ, являются практически

значимыми и актуальными. А для этого необходимо иметь представление о характеристиках и факторах, влияющих на эффективность выполнения поставленных перед СМИ задач (Fischhoff B., Heldring M., Keinan G., Sadeh A., Sandman P.). При этом, акцент предлагается делать не на запретительных мерах (касательно поведения самих журналистов или запрета передачи информации), а на особенностях трансляции, на моделировании образа транслятора и формировании максимально эффективного формата, объема и содержания передаваемой информации.

Во второй главе «Описание процедуры эмпирического исследования» представлен план проведения исследования; описаны методики, использованные в работе, приводится общая характеристика выборки.

В исследовании принимало участие 178 респондентов, в возрасте от 20 до 45 лет: 97 мужчин и 81 женщина.

Исследование проходило в **три этапа**. Целью каждого этапа исследования является проверка частных эмпирических гипотез. Предполагается, что в процессе оценивания других людей или групп человек использует устойчивую категориальную систему. Речь идет о формировании устойчивых стереотипов и системы оценивания, определенной как «Свои – Чужие», которая представляет собой основу для формирования социально опасных явлений, таких, как национализм, ксенофобия и экстремизм. Согласно гипотезе, оценивание других объектов происходит у наблюдателя в трех плоскостях: аффективной, когнитивной и поведенческой (речь идет о формировании поведенческих диспозиций относительно оцениваемых объектов). В связи с этим, одной из целей **первого** этапа исследования является выявление структуры базовых категорий (факторов), на основании которых в обыденном сознании происходит оценивание других объектов. Для выявления факторов использована процедура шкалирования. Все 178 респондентов на первом этапе оценивали 33 предложенных объекта (*гомосексуал, наркоман, сектант, христианин, бюрократ, повстанец, атеист, буддист, сотрудник правоохранительных органов, иммигрант,*

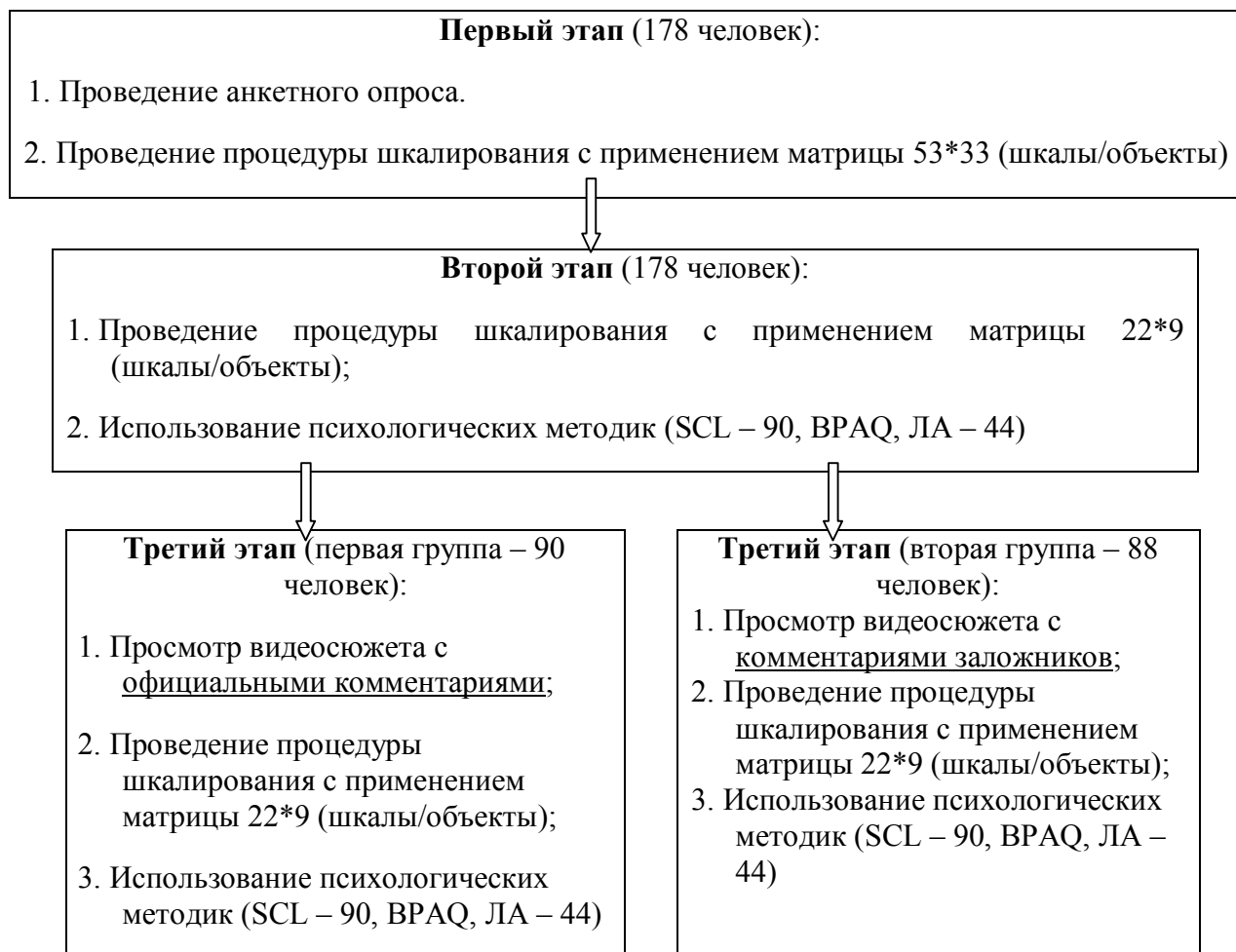
националист, неформал, правозащитник, фанат, коммунист, террорист, либерал, демократ, иностранец, представитель национальных меньшинств, патриот, экстремист, космополит, экстремал, политик, мусульманин, европеец, азиат, араб, чернокожий, славянин, анархист и чиновник) по 53 утверждениям, используя семибалльную шкалу (от -3, до +3, включая 0). Перед процедурой шкалирования респонденты проходили анкетирование. Проведение опроса продиктовано двумя целями. Во-первых, перед началом основного исследования, опираясь на положения ТМТ, было необходимо с помощью специальных вопросов анкеты (затрагивающих темы смерти, опасности, брэнности) актуализировать у респондентов страх смерти, через мысли, связанные с упомянутыми темами вопросов анкеты. Во-вторых, полученные в ходе анкетирования данные позволили выявить специфические характеристики выборки, иллюстрирующие особенности отношения респондентов к терроризму и трансляции информации о нем в СМИ.

Второй этап исследования направлен на проверку гипотезы о том, что при инвариантности самой системы оценивания оценки отдельных объектов могут варьировать в зависимости от характеристик транслируемого сюжета о террористическом акте. В рамках данного этапа респондентам предлагалось оценить 9 объектов с наибольшими весовыми нагрузками (*гомосексуал; христианин; атеист; сотрудник правоохранительных органов; иммигрант; националист; террорист; «представитель национальных меньшинств; мусульманин.*), выделенных на первом этапе. Для шкалирования объектов использовались 22 утверждения. Помимо метода семантического дифференциала, на данном этапе применялись психологические методики – также без предъявления видеосюжетов.

На третьем этапе процедуре шкалирования объектов и работе с психологическими методиками предшествовал показ видеосюжетов об одном и том же террористическом акте, но с разным содержанием. А сама выборка была разделена на две группы (90 и 88 человек). Стимульным материалом для третьего этапа работы являлись два видеоролика,

смонтированные на основании документального фильма «Хроники Беслана» (Великобритания, 2005 г.).

Схематически план исследования выглядит следующим образом:

В третьей главе «Результаты и обсуждение данных эмпирического исследования» диссертационной работы изложены результаты и обсуждение данных эмпирического исследования.

Основные результаты анкетного опроса.

Составленная авторская анкета включает в себя 48 пунктов с открытыми и закрыты вопросами, что позволило выявить качественные и количественные показатели особенности отношения респондентов к терроризму и новостным сюжетам о террористических актах, а также выявить вероятные эмоциональные и поведенческие реакции респондентов на полученную информацию.

Часть вопросов направлена на выявление вероятных реакций респондентов, как эмоционального, так и поведенческого характера, на произошедший террористический акт.

В частности, в одном из вопросов респондентам предлагалось отметить наиболее вероятные состояния, которые они испытали бы при мыслях о смерти и собственной уязвимости. В результате, на первом месте (57,9%), в качестве наиболее вероятных, разместились состояния «Тревоги» и «Беспокойства»; далее были отмечены «Страх» и «Огорчение» (56,7% и 51,1%, соответственно).

Далее респондентам было предложено выделить в вариантах ответов на вопрос те реакции, которые они испытывали при получении информации о террористическом акте. Наиболее распространенные варианты ответа в данном вопросе: «Беспокойство по поводу безопасности себя и своих близких» - 74,7%; «Сочувствие жертвам» - 78,1% и «Злость и ненависть к террористам» - 60,1% ответивших. При этом, интерес вызывают еще несколько вариантов ответа, которые были отмечены меньшим числом респондентов, но, тем не менее, иллюстрирующих положение ГМТ о том, что не только реакции эмоционального характера можно прогнозировать в качестве последствий терроризма, но и поведенческие реакции. Речь идет о таком варианте ответа, как «Стремление любыми средствами, способами обезопасить себя и своих близких» (отметили 40,4 % респондентов).

Также нас интересовали особенности предпочтений респондентов относительно различных характеристик информации о террористическом акте. Речь идет о таких аспектах, как: степень подробности; предпочтения относительно модальности информации и средств ее получения (ТВ, печатные издания и т.д.); содержание информации и ее качество, а также мотивы получения подобной информации.

Полученные данные показывают, что каждый второй из опрошенных (56,8%) «регулярно» следит за криминальной хроникой по ТВ. Объясняя свой интерес, респонденты отметили следующие причины просмотра криминальных новостей: «Желание быть в курсе событий для реальной оценки происходящего» - 56,8% ответивших; «Любопытство» - 23,1%;

«Отсутствие интересных альтернатив» - 15,4%; «Профессиональный интерес» - 3,6% и «Дефицит острых ощущений в собственной жизни» - 1,2% опрошенных.

Как видно, наиболее часто отмечаемой причиной просмотра передач о криминальных происшествиях является желание быть в курсе событий (56,8%). Что касается степени подробности получаемой информации, то 41,6% респондентов отметили, что отдают предпочтение максимально развернутой (с деталями, с видеорядом) информации (см.рис.1).

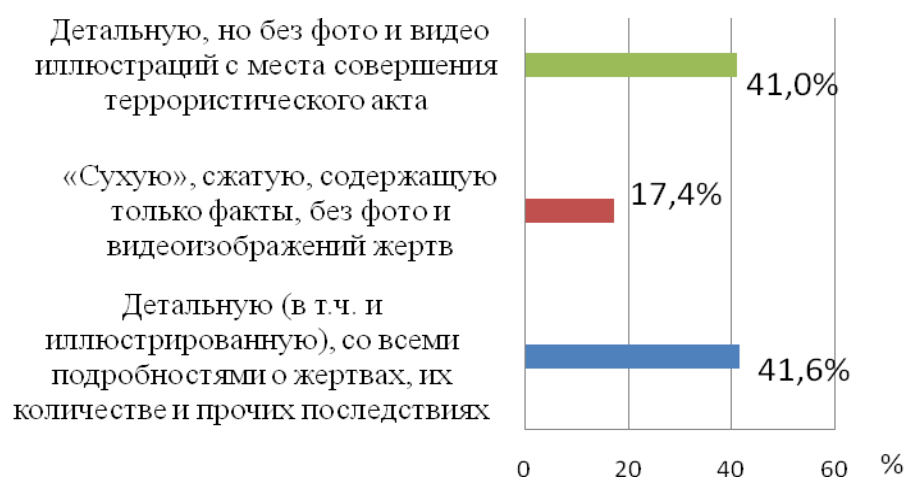

Рисунок 1. Предпочтения респондентов относительно объема получаемой информации о террористическом акте (%).

Подобные предпочтения – это вполне осознанный выбор человека, старающегося устранить, с помощью активного поиска максимально развернутой информации, возникшее чувство беспокойства и тревоги. Это способствует формированию ощущения контроля и иллюзорной защищенности, что, в свою очередь, помогает редуцировать возникший страх.

Если же говорить о степени подробности передаваемой информации, то при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, передаваемая в СМИ информация должна содержать подробности изображения жертв и последствий террористического акта?», большинство респондентов (63,6%) ответили

отрицательно и лишь 36,4% - положительно. Из всех, выбравших ответ «Нет», 24,7% респондентов уточняют, что подобная информация пугает и шокирует телезрителя (прежде всего – детей); 4,5% отмечают, что это «играет на руку» террористам, т.к. сеет панику, страх и агрессию в обществе; и еще 3,9% настаивают на том, что подобный формат трансляции представляет из себя шоу, что не этично по отношению к жертвам. Мотивация респондентов, которые не против подробной трансляции, выглядит более рациональной. Так, 35,7% всех респондентов из данной группы считают, что максимально развернутая трансляция с места происшествия представляет из себя важную дополнительную информацию для следствия. Другая часть респондентов данной группы (36%) мотивирует свой выбор правом знать и видеть все происходящее без цензуры, в полном объеме. И 28,6% респондентов считают, что подробная трансляция поможет лучше вникнуть в обстоятельства случившегося и адекватно и эффективно отреагировать на него. Важным является выявление позиций респондентов относительно самих источников информации, которыми часто пользуются журналисты, формируя новостные сюжеты. Речь идет об отношении респондентов к практике использования в СМИ рассказов очевидцев или случайных свидетелей террористического акта. В данном случае мнения разделились практически поровну: 49,7% респондентов реагируют положительно на использование в новостных передачах информации от свидетелей и очевидцев, а 50,3% - относятся негативно к подобной практике. Подобное распределение мнений подтверждает положение, выдвинутое зарубежным специалистом в области психологии риска и принятия решений Slovic P., который настаивает на том, что в любой передаваемой информации о чрезвычайном происшествии должны быть сбалансированы и факты (передаваемые, прежде всего, от официальных источников), и эмоциональное содержание (основанное, хоть и на проверяемых, но, все же, мнениях свидетелей и очевидцев). Лишь при таком грамотно продуманном балансе информация будет эффективной, а не травмирующей и пугающей.

Еще более актуальным и спорным является проблема «прямого эфира» с места событий и интервьюирования самих террористов. И, в отличие от

предыдущих вопросов, в данном случае респонденты более отчетливо демонстрируют свои предпочтения (см. рис. 2).

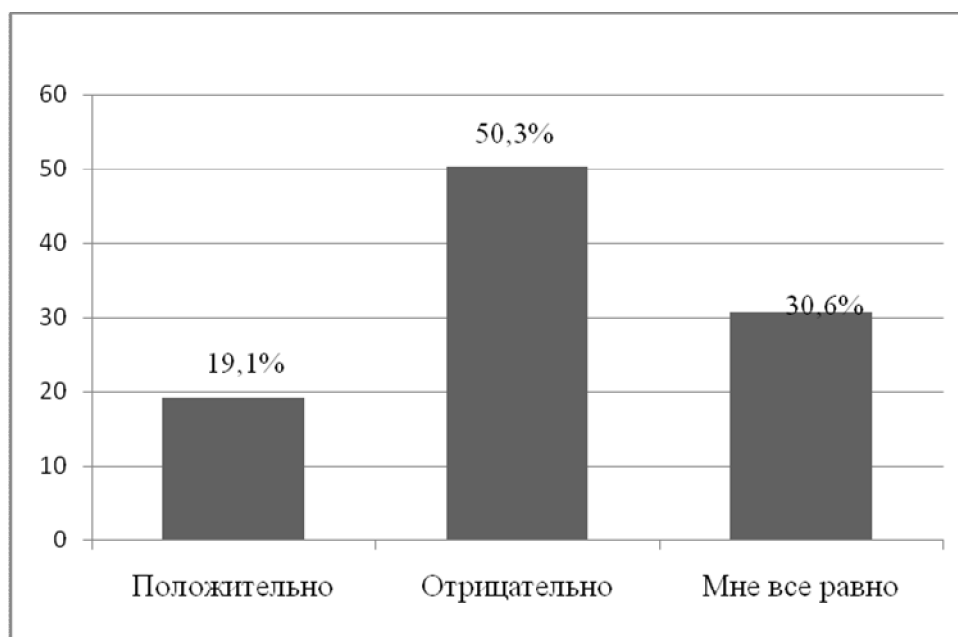

Рисунок 2. Отношение респондентов к интервьюированию террористов (%).

Как видно из рисунка 2, половина респондентов (50,3%) против интервьюирования террористов в «прямом эфире». Из них: 12,4% уточняют, что подобная практика является рекламой террористов и способствует их популяризации; 4,5% считают, что это пугает зрителей и рождает панику; более радикально настроены 3,9% респондентов, которые уверены в том, что с террористами вообще бессмысленно общаться и единственный способ «взаимодействия» с ними - физическое уничтожение.

Из 19,1% респондентов, ответивших положительно, 33,3% уточняют, что подобные интервью несут в себе важную информацию; еще 33% считают, что эта информация наиболее достоверна, т.к. не подвергается цензуре; и 25% респондентов отметили, что необходимо и террористам предоставить возможность донести до общества свою позицию. Речь идет об относительно толерантной позиции по отношению к террористам и некой скептической (недоверчивой) позиции по отношению к государству. Что касается «прямого эфира», то большинство (61,6%) респондентов относятся к нему положительно; 18,1% - отрицательно; и 20,3% - отметили, что им все равно, в каком формате будут представлены новости о террористическом

акте. При положительном ответе на данный вопрос у респондентов преобладает мотивация, связанная с отсутствием цензуры при подобной форме трансляции, в связи с чем она и представляется более достоверной – это отметили 35,4% опрошенных. Еще 31,3% отметили ее оперативный характер как положительное следствие «прямого» эфира. А 29,2% уточнили, что подобная информация является наиболее полной и понятной. И лишь 4,2% респондентов мотивировали свой выбор интересом и любопытством.

Что касается характеристик коммуникатора, который должен транслировать информацию о террористическом акте, то, основываясь на полученных результатах, можно сформировать предпочитаемый респондентами образ коммуникатора. Это мужчина (85,9% респондентов), в возрасте от 36 до 45 лет (51,1%), являющийся сотрудником спецслужбы (47,2%).

Как показывают результаты проведенного опроса, на формирование у наблюдателя негативных состояний может влиять не только непосредственный просмотр сюжетов о террористических актах, но и косвенные упоминания о них, в том числе и в виде вопросов анкеты. Но, несмотря на это, как демонстрируют результаты опроса, большинство респондентов склонны к просмотру сюжетов о криминальных новостях, в которых может присутствовать информация и о террористических актах. При этом наблюдается очевидное предпочтение детальной и подробной информации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сам по себе тотальный запрет трансляции будет лишен эффективности, т.к. наблюдатель настроен на получение подобной информации. А это значит, что ее отсутствие в эфире вызовет не положительный, а наоборот – отрицательный эффект, т.к. для редукции страха человеку необходимо обладать информацией о произошедшем преступлении.

Результаты психосемантического исследования.

В результате факторного анализа на первом этапе работы выделено 3 фактора, описывающих 94,8 % общей суммарной дисперсии.

Также выделены факторные нагрузки по оцениваемым объектам. И на основании данных факторных нагрузок разместились оцененные объекты в пространстве факторов 1 и 2 (см. рис. 3).

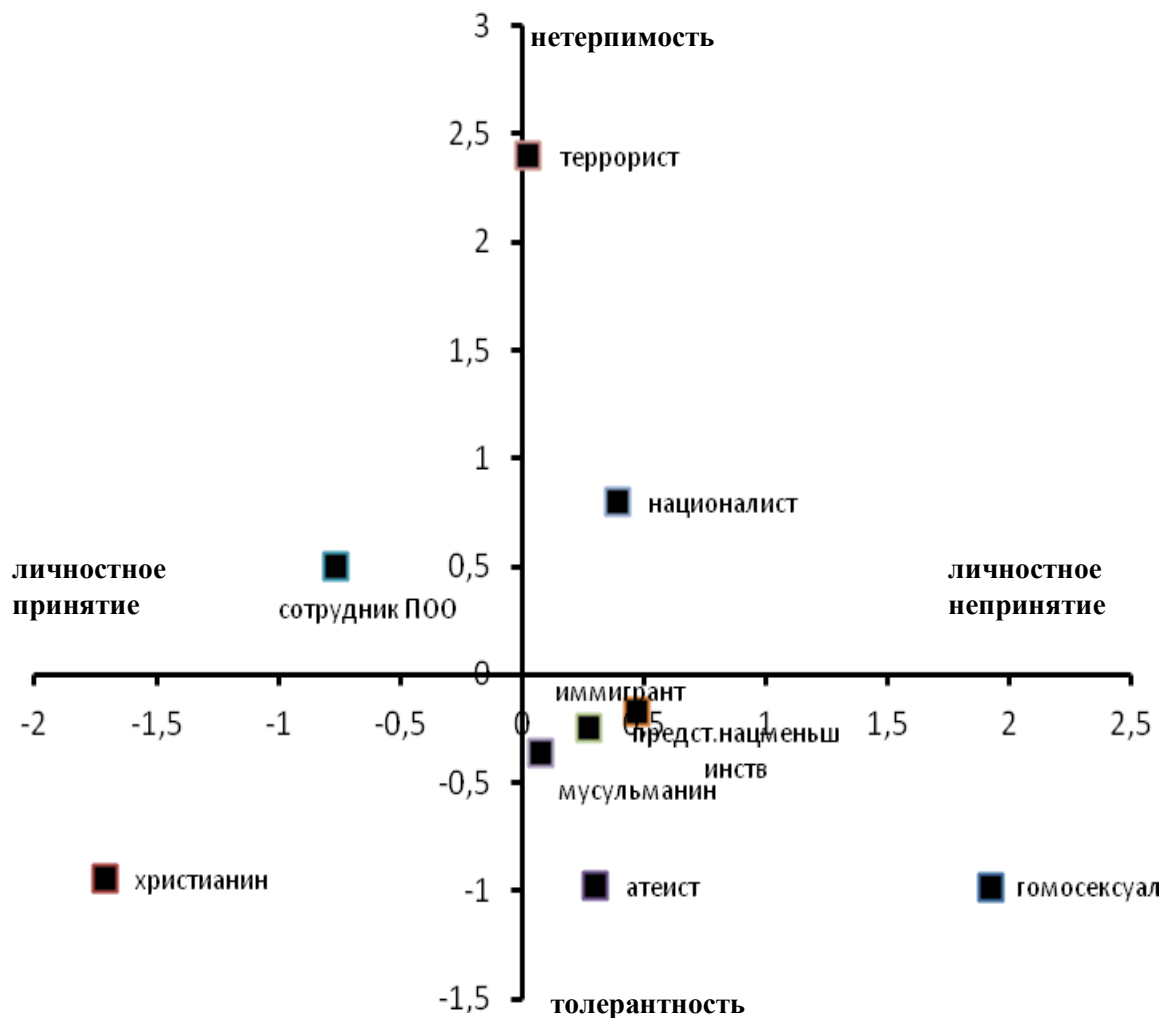

Рисунок 3. Размещение объектов в пространстве факторов: «Личностное неприятие – личностное принятие» и «Толерантность – нетерпимость».

Первый биполярный фактор **F1** представляет собой ось семантического противопоставления личностного принятия и неприятия. В положительный полюс фактора (**F1+**) вошли утверждения, объединенные по общему основанию неприятия норм поведения, принципов и правил оцениваемых объектов. Это отражение враждебной (т.е. когнитивной составляющей агрессии) позиции. В состав отрицательного полюса фактора (**F1-**), соответственно, вошли утверждения, отражающие принятие и одобрение, что также связано с когнитивной сферой. Оценивание в данном случае основывается на сопоставлении стереотипизированных ценностей и

установок объектов (или групп) с собственными морально-этическими и идеологическими установками респондента. Утверждения, составляющие данный фактор, отражают степень идентификации респондента с предложенными объектами, но не по социальному или национальному основанию, а по соотношению идеологических, моральных и этических категорий. Таким образом, фактор **F1** отражает одну из осей отношения и оценивания объектов. Он обозначен как фактор «Личностного принятия – личностного непринятия». Утверждения, вошедшие в состав фактора, не содержат рефлексии эмоционального отношения к объектам и поведенческих намерений. Подобные выводы иллюстрируются размещением объектов в пространстве фактора «Личностного принятия – личностного непринятия», где они противопоставляются не столько по основанию эмоциональной оценки, сколько по соотношению ценностных норм. В частности, такие объекты, как «*террорист*» и «*националист*», обладают меньшими нагрузками по полюсу личностного непринятия, нежели «*гомосексуал*», который, тем не менее, не соответствует моральным и ценностным представлениям респондента. С другой стороны, практически «сливаются» объекты «*славянин*» и «*христианин*», не столько по национальному и религиозному отождествлению, сколько по основанию идентификации собственной идеологической структуры и ценностных установок респондента с данными объектами. Так же, как и практически идентичное расположение объектов «*мусульманин*» и «*атеист*», по причине дефицита знаний о данных категориях и, как следствие, их непринятие и непонимание.

В отличие от первого, второй фактор **F2** содержит аффективную нагрузку, объединяя утверждения, содержащие эмоциональную и побудительную направленность. Оценивание объектов основывается не столько на соотношении собственных и чужих точек зрения и ценностных систем, сколько на эмоциях, которые испытывает респондент по отношению к определенным объектам. В частности, утверждения, которые составили положительный полюс данного фактора (**F2+**), включают в себя негативную эмоциональную и побудительную нагрузку, связанную с гневом, агрессией и

страхом. В то время, как утверждения, вошедшие в состав отрицательного полюса фактора (F2-), можно объединить по основанию толерантной, уравновешенной позиции по отношению к объектам, включающей в себя уважение и интерес. Мы обозначили данный фактор как «Нетерпимость – толерантность, поддержка». Наиболее негативно по фактору «Нетерпимость – толерантность, поддержка» оценивается объект «*террорист*». Отметим, что по первому фактору данный объект получил менее негативные оценки, чем объекты: «*националист*», «*представитель национальных меньшинств*» и «*гомосексуал*». Таким образом, при наличии реакции страха и агрессии по отношению к террористам, они, тем не менее, не вызывают столь сильного неприятия на уровне когнитивной оценки. С другой стороны, также негативно оцениваются объекты: «*сотрудник правоохранительных органов*» и «*националист*». При этом, объекты, которые по фактору «Личностного принятия – личностного неприятия» оценивались как личностно отвергаемые («*иммигрант*», «*представитель национальных меньшинств*», «*мусульманин*»), т.е. – не соответствующие системе ценностей и принципам респондентов; по фактору «Нетерпимость – толерантность, поддержка» не несут негативной нагрузки. Особенно ярко подобные трансформации наблюдаются при оценивании объекта «*гомосексуал*», который по фактору «Нетерпимость – толерантность, поддержка» максимально близок к полюсу «толерантность», при том, что по первому фактору он получил крайне негативные оценки. Т.е. личностного принятия людей с нетрадиционной ориентацией нет, но при этом – они не вызывают негативного эмоционального отношения к себе (прежде всего – страха и презрения). Подобная картина еще раз подтверждает предположение о том, что система оценивания включает в себя как когнитивную, так и эмоционально-побудительную составляющую.

Выделив категориальную систему оценивания других объектов, обратимся к анализу самих оценок в зависимости от характера предъявляемого видеоматериала. Предполагается, что наличие видеоматериала и его характер (подробность и эмоциональность

содержания) будут способствовать изменению оценок объектов в указанной системе категорий.

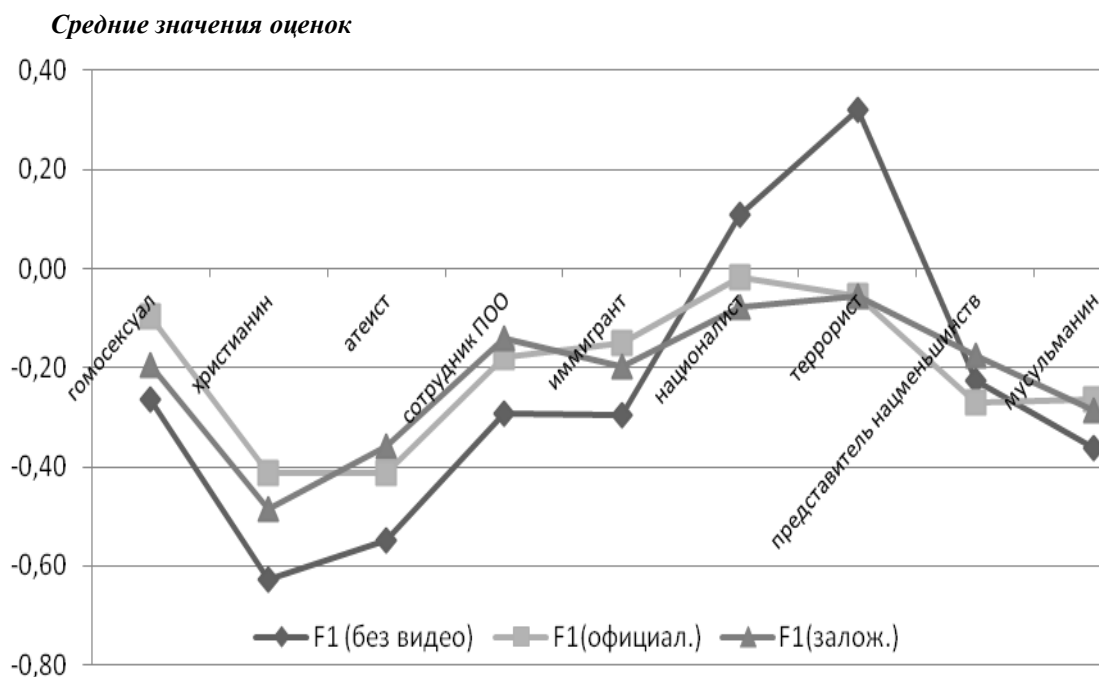

Рисунок 4. Усредненные значения оценок объектов по фактору **F1** «Личностное принятие – личностное неприятие» (где: **F1(без видео)** – результаты, полученные без предъявления видеосюжета;) **F1(официал)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, основанного на официальных комментариях; **F1(залож.)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, содержащего комментарии заложников).

Как видно из рисунка 4, наибольшие изменения в оценке коснулись объекта «*террорист*». Интересно то, что по фактору «Личностного принятия – личностного неприятия» прослеживается положительная динамика в оценивании объекта «*террорист*». На первом этапе исследования, когда объекты оценивались без предварительного просмотра видеосюжета о террористическом акте, «*террорист*» оценивается наиболее негативно с позиции личностного неприятия. В то время, как после предъявления видеосюжетов оценки кардинально поменялись, сместившись с полюса личностного неприятия на полюс принятия. Подобную динамику следует трактовать как психологическое последствие террористического акта, которое проявляется в процессе идентификации с агрессором, на фоне актуализации страха смерти. В своем стремлении редуцировать страх смерти человек склонен искать в действиях террористов оправдательную мотивацию, пытаться понять причины преступного поведения, придав ему

рациональный характер. И в данной ситуации необходимым условием достижения перечисленных целей является стремление подробнее, без эмоциональной оценки, понять и принять суть происходящего. Именно подобная тенденция наблюдается в исследовании. Но она предполагает и обратный, негативный эффект, опасность которого заключается в том, что на фоне рационального «псевдопринятия» террориста человек изменяет свое отношение к группам так называемых «других», т.е. к объектам, которые являются, с точки зрения наблюдателя, носителями альтернативной (или откровенно опасной и враждебной) идеологии. При этом, данные группы объективно не являются источниками угрозы и опасности, но, тем не менее, следуя положениям ТМТ, начинают восприниматься и оцениваться негативно и даже враждебно. Подобная картина наблюдается относительно объектов: «гомосексуал», «христианин», «атеист», «иммигрант» и «мусульманин». Отношение к ним со стороны субъекта смещается на враждебное. Следует отметить, что основанием оценивания данных объектов являются абсолютно разные сферы: от сексуальной ориентации (не содержащей никакой агрессивной и экстремисткой направленности) до религиозной и национальной принадлежности. Подобная враждебность объясняется тем, что в состоянии страха наблюдатель склонен негативно и враждебно оценивать не только объекты, непосредственно угрожающие его безопасности, но также людей или группы, чьи принципы и нормы не согласуются с ценностной системой самого человека. Страх смерти способствует изменению отношения со стороны наблюдателя террористического акта не только к различным неформальным группам, меньшинствам и т.д., но и к вполне определенным структурам, наделенным властными полномочиями. В частности, можно проследить изменения в оценивании такого объекта, как «сотрудник правоохранительных органов», отношение к которому также становится более негативным. Само по себе, это вполне очевидная реакция недовольства человека по отношению к структуре и людям, отвечающим за безопасность. Подобная негативная тенденция в совокупности с обратной динамикой отношения к террористам

иллюстрирует отчетливо явление, которое среди психологов получило название «Стокгольмского синдрома».

Обратимся теперь к результатам по второму выделенному фактору «Нетерпимость – толерантность, поддержка» (см. рис 5). Выявленная динамика подтверждает сформулированную гипотезу о том, что при актуализации эмоции страха (прежде всего – страха смерти) оценки имеют тенденцию становиться более радикальными с точки зрения эмоционального содержания. Сравнивая оценки по первому («Личностного принятия – личностного непринятия») и второму факторам относительно объекта «*террорист*», отметим, что в первом случае оценка смещается с отрицательного полюса на положительный, но относительно второго фактора ситуация обратная. Оценивание «*террориста*» после предъявления видеосюжетов о террористическом акте становится более негативным. Т.е., с одной стороны, наблюдается процесс идентификации (на когнитивном уровне), который и способствует изменению полюсности оценивания по первому фактору, но с другой – отмечается реакция страха и враждебности по отношению к тому же объекту - по второму фактору. Оба процесса взаимосвязаны между собой и, представляя замкнутую циркулярную реакцию, иллюстрируют возможные психологические последствия терроризма. С одной стороны, упоминание или восприятие террористического акта приводит к формированию негативных эмоциональных состояний, враждебности по отношению к террористам, а с другой – подобные состояния способствуют тому, что в когнитивной плоскости наблюдается принятие и готовность понять мотивацию, цели преступника, т.к. это поможет редуцировать негативные состояния.

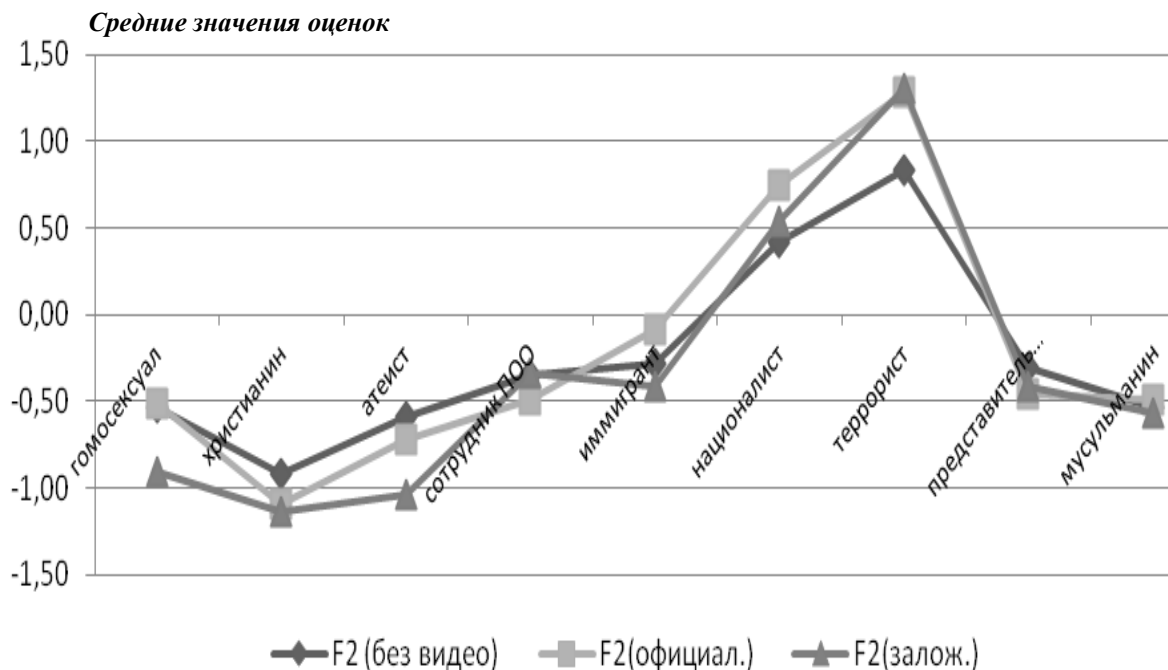

Рисунок 5. Усредненные значения оценок объектов по фактору **F2** «Нетерпимость – толерантность, поддержка» (где: **F2(без видео)** – результаты, полученные без предъявления видеосюжета;) **F2(официал.)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, основанного на официальных комментариях; **F2(залож.)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, содержащего комментарии заложников).

Также изменились оценки объекта «христианин». Это иллюстрирует тот вариант психологических последствий, которые в ТМТ были обозначены как «отсроченная» защитная реакция человека. Если по первому фактору наблюдаются изменения в отрицательную сторону, которые можно интерпретировать как процесс дистанцирования индивида (как светского человека) от объекта - носителя религиозных (субъективно воспринимаемых как ортодоксальные) атрибутов, то по второму фактору наблюдается обратная тенденция. Она заключается в том, что напуганный информацией о террористическом акте наблюдатель в своем стремлении защитить себя и свое мировоззрение, а значит - восстановить нарушенную «картину мира», обращается к так называемой отсроченной, экзистенциальной защите. Она заключается в формировании лояльной, одобрительной позиции по отношению к религиозным догматам и их носителям.

Основываясь на полученных результатах, можно сделать вывод о том, что в системе оценивания «Свои - Чужие» следует выделять три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий. С другой стороны, характер оценок способен изменяться как в положительную, так и отрицательную

стороны, в зависимости от степени эмоциональности и детальности информации о террористическом акте.

Результаты использования психологических методик.

Психологические последствия терроризма могут наблюдаться не только на уровне социальном. Последствия проявляются и на личностном уровне, вызывая изменения в эмоциональной сфере субъекта, в его поведении и реагировании. Обратимся к результатам по методике **SCL-90** (см. рис 7). Как видно из рисунка 6 и таблицы 1, существуют статистически значимые различия в полученных результатах по всем шкалам методики, кроме шкалы «Враждебность».

Таблица 1.

Результаты статистического анализа данных методики SCL – 90 - R по трем группам испытуемых (без виде; с офиц.видео; с видео с рассказами заложников) с использованием непараметрического критерия Краскела – Уолеса.

Test Statistics									
	Соматизация	Обсессивно-компульсивные рас-ва	Межличностная сензитивность	Депрессия	Тревожность	Враждебность	Фобическая тревожность	Паранояльные симптомы	Психотизм
Chi-Square	7,26	12,43	16,95	9,76	17,86	5,43	20,42	8,69	15,38
Df	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Asymp. Sig.	0,03	0,00	0,00	0,01	0,00	0,07	0,00	0,01	0,00
	Kruskal Wallis Test								

Наиболее высокие результаты получены в группе (90 человек), которая перед заполнением методик просматривала видеосюжет, содержащий показания и комментарии различных официальных лиц и минимум травмирующих сцен и интервью бывших заложников. А наименьшие показатели выявлены в группе (88 человек), которая просматривала видеосюжет эмоционально насыщенный. Подобный результат, на первый взгляд, можно оценить как достаточно неожиданный, т.к. он противоречит закрепившемуся мнению о том, что сцены, содержащие насилие, негативно влияют на психологическое состояние и поведение наблюдателя. Однако,

террористический акт, по своей специфичности и по спектру последствий, следует выделять в особую категорию актов насилия. Соответственно, и специфика трансляции террористического акта отличается от трансляции, допустим, художественных фильмов со сценами насилия или «бытовой» криминальной хроники, которая носит обыденный характер и не воспринимается как нечто резонансное и шокирующие. Но, когда речь идет о трансляции новостей о террористическом акте, то сам факт наличия в сюжете сцен насилия перестает играть роль существенного фактора формирования негативного психологического состояния и девиантного поведения. Первостепенными становятся другие характеристики сюжета. В частности, речь идет о степени эмоциональности и подробности транслируемого материала, а также о персоналиях, которые упоминаются в нем, или их комментарии, лежащие в основе всего сюжета.

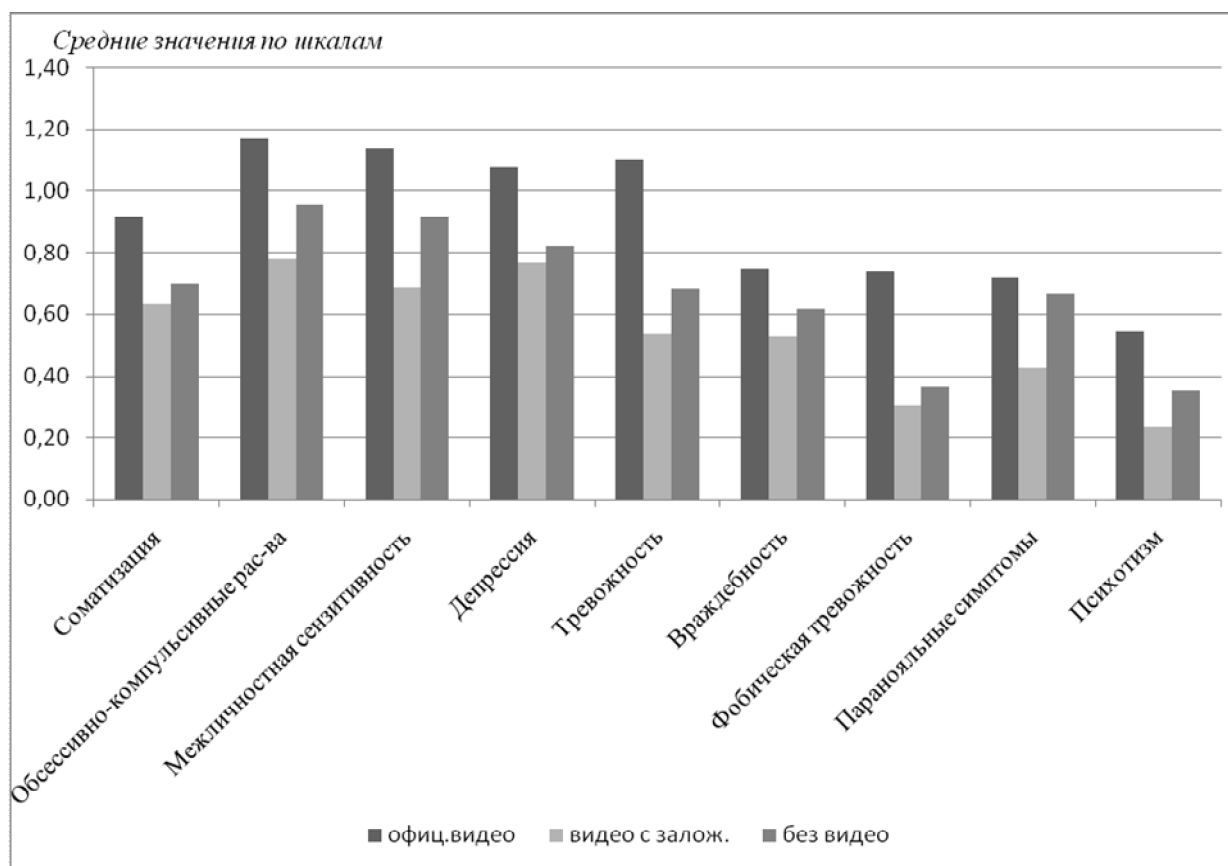

Рисунок 6. Средние значения по шкалам методики SCL – 90 – R (где: **(без видео)** – результаты, полученные без предъявления видеосюжета;) **(офици. видео)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, основанного на официальных комментариях; **(видео с залож.)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, содержащего комментарии заложников).

Отметим наличие признаков посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у группы респондентов, которая просматривала сюжет, содержащий официальные комментарии. Наиболее высокие показатели наблюдаются по таким шкалам, как: «*Межличностная сензитивность*», «*Депрессия*», «*Тревожность*» и «*Фобическая тревожность*». Люди с подобными показателями испытывают ярко выраженный дискомфорт и стойкую реакцию страха в процессе общения, т.к. в ситуации коммуникации постоянно прогнозируют негативный исход взаимодействия. В таком состоянии им свойственны иррациональные приступы паники, основанные на ощущении вероятного насилия, что приводит к формированию стойких фобических состояний и ограничительного поведения.

Полученные результаты подтверждают выдвинутое предположение о том, что не только сам факт наличия видеосюжета способствует формированию ПТСР у телезрителей. Степень проявления посттравматического синдрома зависит от характера и содержания новостных передач о террористическом акте. Т.е., наличие изображения жертв и последствий террористического акта, также как и самих террористов и других непосредственных участников травмирующего события, ведет не к усилению, а, наоборот, к редукции таких определяющих симптомов посттравматического стресса, как тревожность, фобические состояния, депрессия. И связано подобное изменение с тем, что с помощью эмоционально насыщенной трансляции, передаваемой через СМИ, наблюдатель удовлетворяет резко возникающую потребность в подробной информации о произошедшем, т.к. именно первоначальный ее дефицит, как прочем и намеренное искажение (цензура), пренебрежение подробностями (со стороны сотрудников СМИ и представителей правительственных структур) усугубляет панические настроения и, соответственно, приводит к формированию фобических состояний, в т.ч. и к страху смерти. Дело в том, что отсутствие в репортажах подробностей начинает трактоваться напуганным зрителем не как желание со стороны государства избежать паники, а как намеренное искажение и сокрытие. А это приводит не только к

ухудшению личного психологического состояния зрителя, но и к формированию негативной и подозрительной позиции по отношению к внешним объектам, в т.ч. и к представителям властных структур, а значит и к государству в целом. И дальше начинает развиваться цепная реакция паники, агрессии и т.д. А одним из звеньев подобной реакции становится хаотический поиск любой информации о происшествии. И в данном случае, человек начинает обращаться к непроверенным источникам. А точнее – пользуется слухами и мифами, которые очень оперативно возникают на фоне дефицита официальной информации, что, естественно, еще больше усугубляет негативное состояние, формируя уже стойкие негативные психологические состояния и поведенческие диспозиции, в т.ч. и агрессивного, девиантного характера, которые наглядно представлены результатами методики **Басса–Перри** (см. рис. 7).

Здесь наблюдается аналогичная тенденция – уровень агрессивных диспозиций значимо выше у тех респондентов, которые в ходе исследования просматривали видеосюжет максимально нивелированный с точки зрения эмоциональности содержания и детальности самого преступления. С той разницей, что предыдущие измерения демонстрировали формирование внутриличностных негативных состояний, а в данном случае можно констатировать, что на фоне уже указанных изменений образуются и агрессивные поведенческие диспозиции в совокупности с аффективным и когнитивным компонентами. В силу наличия в них аффективного и когнитивного компонентов, они трансформируются в целенаправленное девиантное поведение, потенциальными жертвами которого будут не сами террористы, а любые группы людей, не совпадающих в своих взглядах, принципах или внешнем виде (начиная от цвета кожи и заканчивая манерой одеваться) с агрессором. Это, в свою очередь, приводит к формированию уже масштабных ксенофобических, националистических и антигосударственных позиций, настроений и взглядов.

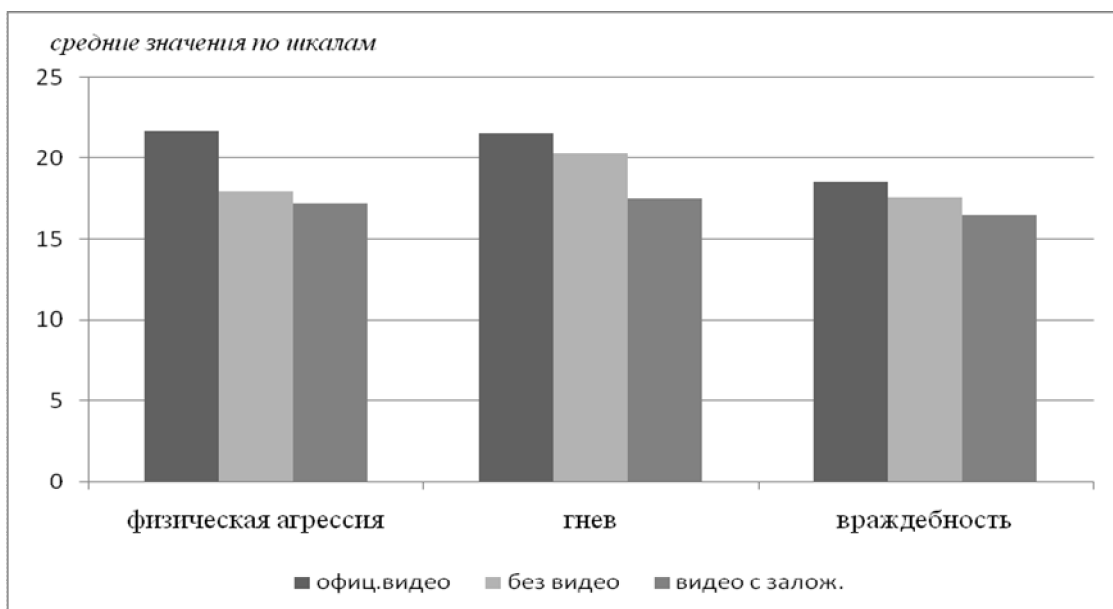

Рисунок 7. Средние значения по шкалам методики ВРАQ - 24 (где: **(без видео)** – результаты, полученные без предъявления видеосюжета;) **(офиц. видео)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, основанного на официальных комментариях; **(видео с залож.)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, содержащего комментарии заложников).

Следует отметить, что статистически значимые различия ($p \leq 0,01$) выявлены только относительно таких компонентов, как «Физическая агрессия» и «Гнев». Что же касается когнитивного компонента «Враждебность» - различия отсутствуют. Однако, если обратиться к результатам SCL – 90, то можно заметить, что и там показатели по шкале «Враждебность» не имеют статистически значимых различий. Из чего можно сделать вывод о том, что, несмотря на разницу в эмоциональной насыщенности и детальности предъявленного респондентам разных групп видеоматериала, его восприятие на когнитивном уровне, в целом, идентично. Т.е. – объем информации, необходимый для редукции враждебных установок, а также формирования «пластичного» (как его называют специалисты из области коммуникации с населением в чрезвычайных ситуациях) защитного поведения практически не зависит от такой характеристики видеосюжета, как его эмоциональная насыщенность. Но, при этом, именно данная характеристика позволяет редуцировать другие (вышеперечисленные) негативные состояния и диспозиции субъекта. В

частности, агрессию, которая приобретает черты легитимной формы поведения.

Это наглядно демонстрируют результаты, полученные по методике ЛА – 44 (см. рис. 8). Наименьшие показатели отмечены у группы респондентов, которые просматривали видеосюжет, основанный на интервьюировании заложников, содержащий кадры хроники с места событий во время захвата школы и т.д (см. рис. 8). Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) выявлены по шкале «СМИ». Это важный результат, который демонстрирует значительную степень влияния СМИ на процессы легитимизации агрессивного поведения и насилия у наблюдателя террористического акта. Это позволяет сделать вывод о том, что вопросы, связанные с проблемой трансляции новостных репортажей о террористическом акте и нахождения ее оптимальной формы (с точки зрения редукции негативных последствий терроризма), не являются праздными для психологии, обосновывая тем самым вектор исследований в данном направлении.

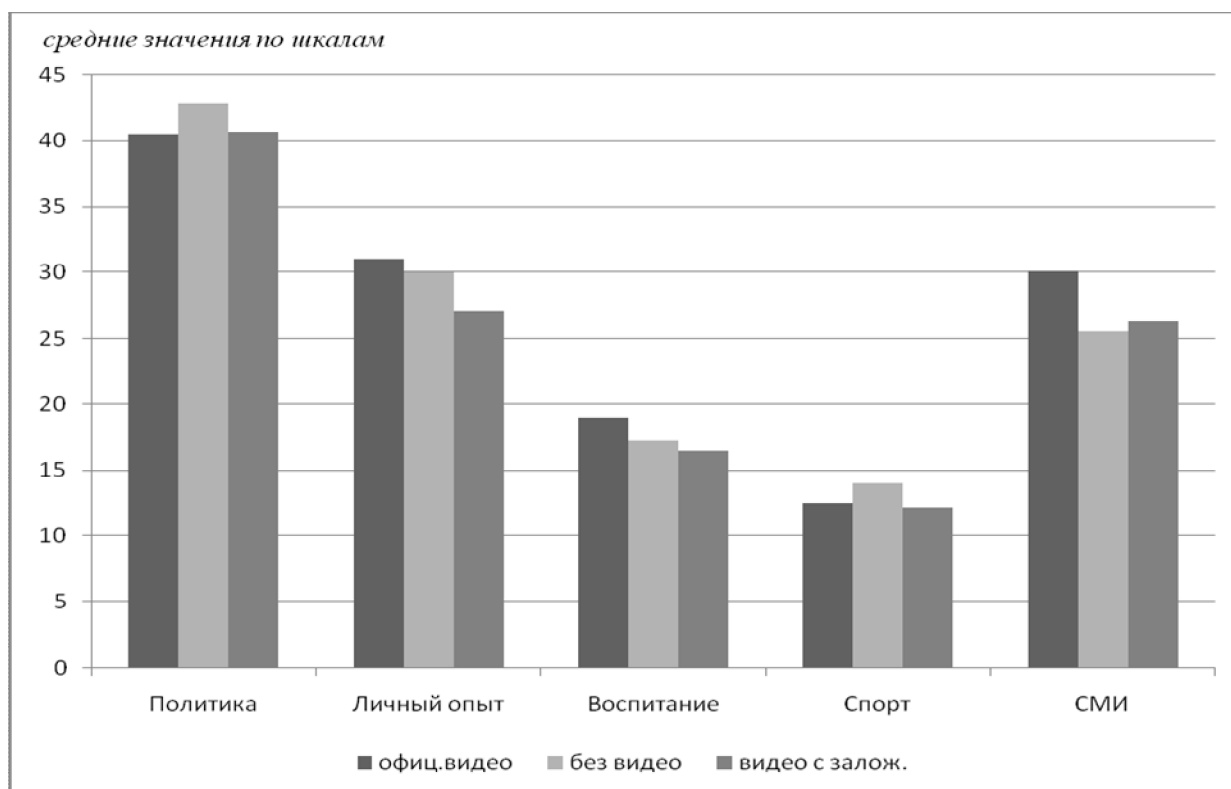

Рисунок 8. Средние значения по шкалам методики ЛА - 44 (где: **(без видео)** – результаты, полученные без предъявления видеосюжета;) **(офиц. видео)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, основанного на официальных комментариях; **(видео с залож.)** – результаты, полученные после просмотра видеосюжета, содержащего комментарии заложников).

Отметим, что по всем трем проведенным психологическим методикам можно заметить следующую общую тенденцию. Самые высокие показатели, отражающие выраженность негативных психологических последствий как по методикам в целом, так и по их отдельным шкалам, наблюдаются при предъявлении видеосюжета с официальными комментариями; а наименьшие результаты – при предъявлении видеосюжета с интервью с заложниками. Подтверждается гипотеза о влиянии характеристик информационного сюжета на формирование психологических последствий (в т.ч. и отсроченного характера), а также девятиных форм поведения у наблюдателя, который может являться косвенным участником террористического акта.

В процессе проведения исследования также выделены группы испытуемых с ярко выраженными психологическими особенностями (высокий уровень тревожности, агрессивности, враждебности и т.д.) для проверки их влияния (помимо самого видеосюжета) на формирование перечисленных выше социально-психологических последствий. Но анализ данных не выявил значимых результатов, иллюстрируя аналогичные тенденции в изменениях, как и в основном исследовании. Это позволяет сделать вывод о том, что даже при наличии ярко выраженных психологических особенностей, когда речь идет о трансляции информации о чрезвычайных ситуациях, приоритетная роль в процессе детерминации социально-психологических последствий отводится именно СМИ. Подобный результат отражает значимость и актуальность проведенного исследования, опосредованно подтверждая наличие влияния характеристик репортажей о террористическом акте на процесс формирования последствий. Конечно, индивидуальные психологические особенности способны определять характер и степень проявления последствий. Однако, проанализировать индивидуальные психологические особенности массового зрителя в режиме трансляции – процесс практически невыполнимый. Но, учитывая степень влияния самого транслируемого материала (и первостепенность такого влияния, как показало наше исследование), у

работников СМИ, при участии экспертов-психологов, существует реальная возможность контроля негативных психологических последствий террористических актов.

В **Заключении** подводятся основные итоги проведенного исследования, формулируются **выводы**:

1. В процессе оценивания и идентификации себя с другими объектами человек использует трехкомпонентную систему (когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты), обозначенную как «Свой – Чужой», которая позволяет максимально оперативно редуцировать страх актуализировавшийся вследствие упоминаний о смерти и собственной уязвимости. Оценивание и идентификация происходят в когнитивной, аффективной и поведенческой плоскостях.

2. Предложенная категориальная система оценивания носит инвариантный характер, но, при этом, степень оценки и идентификации зависит от выявленных характеристик транслируемой информации. Изменение в оценивании затрагивает не только объекты, отождествляемые наблюдателем с террористами, но и другие объекты и группы, отличные от субъекта по своей ценностно-нормативной системе и другим основаниям (религиозные принципы, национальные черты, сексуальная ориентация, профессиональная принадлежность).

3. На степень выраженности посттравматического стрессового расстройства и связанных с ним негативных состояний существенное влияние оказывают такие характеристики репортажей о террористическом акте, как подробность и наличие рассказов пострадавших от террористического акта и официальных комментариев.

4. Демонстрация видеосюжетов о террористическом акте разной степени подробности и содержания существенным образом определяет степень выраженности готовности субъекта к агрессивному поведению, а также принятие (легитимизацию) девиантного поведения, наблюдаемого в СМИ.

Основное содержание диссертации отражено в 11 публикациях автора (общий объем – 7,4 п.л.; авторский вклад – 6,2 п.л.).

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации результатов диссертационных исследований:

1. Мкртычян, А.А. Психологические последствия терроризма / С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян // Вопросы психологии. - 2008. - № 3. – С. 71-81. (0,9 п.л./0,5 п.л.)

2. Мкртычян, А.А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования (часть 1.). / С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян // Национальный психологический журнал. – 2010. - № 2. (С. 41-47. – 1,1 п.л./0,6 п.л.)

3. Мкртычян, А.А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования (часть 2.). / С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян // Национальный психологический журнал. – 2011. - № 1. – С. 19-24. (0,5 п.л./0,3 п.л.)

Статьи и тезисы докладов в научных сборниках:

4. Мкртычян, А.А. Психологические аспекты формирования отношения к терроризму / С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян // Материалы Всероссийской конференции «Психология индивидуальности». – М.: ГУ ВШЭ, 2006. - С. 203-206 . (0,1 п.л./0,05 п.л.)

5. Мкртычян, А.А. Психологические характеристики формирования отношения к терроризму в обыденном сознании / С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян // Материалы научно-практических конгрессов III Всероссийского форума «Здоровье нации - основа процветания России», при Общественной палате Российской Федерации, Т.2.ч.2. – Москва, 2007. – С 253-254. (0,1 п.л./0,05 п.л.)

6. Мкртычян, А.А. Характеристики формирования отношения к терроризму в обыденном сознании / А.А. Мкртычян // Материалы международной межвузовской научно-практической конференции

студентов, аспирантов и молодых специалистов «Психология XXI века». СПбГУ, Санкт-Петербург. – 2007. – С. 460-462. (0,2 п.л.).

7. Мкртычян, А.А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в их формировании / А.А. Мкртычян // Материалы IV съезда Российского психологического общества. – Ростов-на-Дону. – 2007. – (Электронный ресурс – CD-ROM) (0,1 п.л.).

8. Мкртычян, А.А. Психологические последствия терроризма и СМИ / А.А. Мкртычян // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XIII. Вып. XXII. — М.: Институт социологии образования РАО, 2009. – С 53 – 84. (1,9 п.л.).

9. Мкртычян, А.А. Терроризм как крайнее проявление экстремизма / А.А. Мкртычян // Материалы конференции «Экстремизм и национальный вопрос в России». При поддержке ВААФ (Всемирного антикриминального и антитеррористического фонда) и Государственной думы РФ. – Москва, 2009. – С 102-112. (0,5 п.л.).

10. Мкртычян, А.А. Терроризм и средства массовой информации: эмоциональное воздействие сцен насилия / А.А. Мкртычян // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XV. Вып. XXVI. — М.: Институт социологии образования РАО, 2011. - С 232 – 247. (1 п.л.).

11. Мкртычян, А.А. Влияние СМИ на социально-психологические последствия терроризма / А.А. Мкртычян // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XVI. Вып. XXVIII. — М.: Институт социологии образования РАО, 2012. - С 157 – 169. (1 п.л.).